В этой суматохе Люку удается каким-то образом добраться до главного стыковочного отсека, где он пытается донести груз ослабевшего тела своего отца до имперского шаттла. На полпути его силы окончательно иссякают, и он падает под тяжестью.

Медленно он поднимается. Как автомат, он взваливает тело отца на плечо и, спотыкаясь, идет к одному из последних оставшихся шаттлов.

Люк укладывает отца на землю, пытаясь в последний раз собраться с силами, в то время как вокруг них все громче гремят взрывы. В стропилах шипят искры, одна из стен прогибается, и через зияющую трещину валит дым. Пол дрожит.

Вейдер подталкивает Люка ближе к себе. "Люк, помоги мне снять эту маску".

Люк качает головой. "Ты умрешь".

Голос Темного Лорда устал. "Теперь ничто не может этому помешать. Дай мне хоть раз взглянуть на тебя без маски. Позволь мне взглянуть на тебя своими глазами".

Люк боится. Боится увидеть своего отца таким, какой он есть на самом деле. Боится увидеть человека, который мог стать таким темным - того самого человека, который стал отцом Люка и его сестры. Боится узнать Энакина Скайуокера, который жил внутри Дарта Вейдера.

Вейдер тоже боится позволить сыну увидеть себя, снять эту бронированную маску, которая так долго была между ними. Черную, бронированную маску, которая была его единственным средством существования на протяжении более двадцати лет. Она была его голосом, его дыханием, его невидимостью - его щитом от любых контактов с людьми. Но теперь он снимет ее, чтобы перед смертью увидеть своего сына.

Вместе они снимают тяжелый шлем с головы Вейдера - внутри маски пришлось отсоединить сложный дыхательный аппарат, а от блока питания сзади отсоединить говорящий модулятор и обзорный экран. Но когда маска наконец снята и отложена в сторону, Люк смотрит на лицо своего отца.

Это печальное, благодушное лицо человека, который должен быть средних лет, но изуродован и стар. Лысый, безбородый, с мощным шрамом, идущим от макушки до затылка, с расфокусированными, глубоко посаженными темно-синими глазами, с пастозно-белой кожей, не видевшей солнца два десятка лет. Старик слабо улыбается, слезы застилают ему глаза.

Это лицо, наполненное смыслом, Люк запомнил навсегда. Сожаление, которое он увидел, было самым явным. И стыд. На нем мелькают воспоминания... воспоминания о богатых временах. И ужасы. И любовь тоже.

Это лицо, которое не касалось мира целую жизнь. За всю жизнь Люка. Он видит, как подергиваются заиндевевшие ноздри, пробуя первый, неуверенный запах. Он видит, как незаметно наклоняется голова, чтобы прислушаться - впервые без электронного слухового усиления. Люк испытывает угрызения совести от того, что единственными звуками теперь будут взрывы, а единственными запахами - резкое жжение электрического огня. И все же это прикосновение. Ощутимое, нефильтрованное.

Он видит, что глаза старика сфокусировались на нем. Слезы обжигают щеки Люка и падают на губы отца. Отец улыбается, ощущая вкус.

Это лицо, которое не видело себя двадцать лет.

Вейдер видит, как плачет его сын, и понимает, что это, должно быть, от ужаса перед лицом, которое видит мальчик.

Это на мгновение усиливает чувство злости Вейдера - к его преступлениям теперь добавляется чувство вины за мнимое отвращение к его внешности. Но тут же вспоминается, как он выглядел раньше - поразительно, величественно, с язвительным наклоном бровей, намекающим на непобедимость и подмигивающим всем живым. Да, когда-то он выглядел именно так.

И это воспоминание повлекло за собой волну других воспоминаний. Воспоминания о братстве и доме. О его дорогой жене. Свобода дальнего космоса. Оби-Ван. Оби-Ван, его друг... и как эта дружба перевернулась. Превратилась, он не знает как, но, тем не менее, получила инъекцию некой безразличной вирулентности, которая гноилась, пока... не устояла. Это воспоминания, которые он не хочет вспоминать, не сейчас. Воспоминания о расплавленной лаве, ползущей по его спине... нет.

Этот мальчик вытащил его из той ямы - здесь, сейчас, этим поступком. Этот мальчик хороший.

Мальчик хороший, и мальчик произошел от него - значит, и в нем должно было быть что-то хорошее. Он снова улыбается своему сыну и впервые любит его. И впервые за долгие годы снова любит себя.

Вдруг он что-то учуял - раздул ноздри, еще раз принюхался. Полевые цветы, вот что это такое. Только что расцвели, должно быть, весна.

И тут раздается гром - он качает головой, напрягает уши. Да, весенний гром, для весеннего дождя. Чтобы цветы распустились.

Да, вот... он чувствует на губах каплю дождя. Он слизывает нежную капельку... но подождите, это не сладкая вода, а соленая, это... капля слезы.

Он снова переводит взгляд на Люка и видит, что его сын плачет. Да, именно так, он пробует на вкус горе своего мальчика - потому что он выглядит так ужасно; потому что он так ужасен.

Но он хочет, чтобы Люк все исправил, хочет, чтобы Люк знал, что на самом деле он не был таким уродливым, не в глубине души, не в целом. С небольшой самоуничижительной улыбкой он качает головой, объясняя Люку, что за неприглядное чудовище видит его сын. "Мы светлые существа, Люк, а не эта грубая материя".

Люк тоже покачал головой, желая сказать отцу, что все в порядке, отмахнуться от стыда старика, сказать, что теперь это не имеет значения. Но он не мог говорить.

Вейдер заговорил снова, еще слабее - почти неслышно. "Уходи, сын мой. Оставь меня".

И тут Люк обрел голос. "Нет. Ты пойдешь со мной. Я не оставлю тебя здесь. Я должен спасти тебя".

"Ты уже спас, Люк", - шепчет он. Он мечтает встретиться с Йодой, поблагодарить старого джедая за обучение, которое он дал Люку... Но, возможно, он скоро будет с Йодой, сейчас, в неземном единстве Силы. И с Оби-Ваном. "Ты был прав. Ты был прав насчет меня. Скажи своей сестре, что ты был прав".

"Отец, я не оставлю тебя", - протестует Люк. Взрывы в стыковочном отсеке прогремели с новой

силой, разрушив одну стену и расколов потолок. Из расположенного рядом газового сопла вырывается струя голубого пламени. Прямо под ним начинает плавиться пол.

Вейдер притягивает Люка совсем близко и говорит ему на ухо. "Люк, ты был прав... и ты был прав насчет меня... Скажи своей сестре... ты был прав".

Дарт Вейдер мертв, а за ним и Энакин Скайуокер.

Огромный взрыв заливает огнем заднюю часть отсека, сбивая Люка на землю. Медленно, как автомат, он поднимается и, спотыкаясь, идет к одному из последних оставшихся шаттлов.

Закрыв глаза и привалившись спиной к трапу шаттла, Энакин Скайуокер имеет все основания полагать, что его наконец-то ждет вечная тьма, ад, в котором он заслуживает находиться.

http://tl.rulate.ru/book/77437/3390576